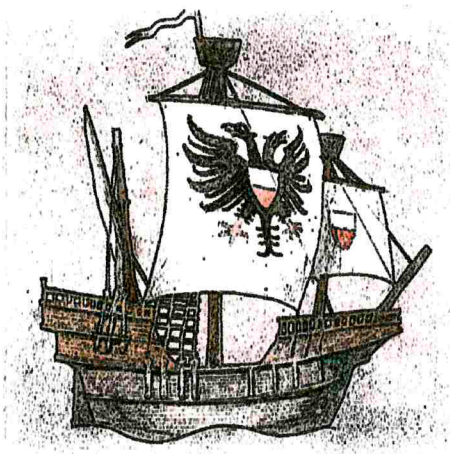
84Р6Кр Ср
Ш 19

Сказ о ганзейском хождении в Землю Псковскую



Софья Шамраева

84Р6Кр Ср
Ш19

Софья Шамраева

Сказ
о ганзейском хождении
в землю псковскую

Экземпляр №_____

Иллюстрации

Александра Коростелева

МАУК «ЦБС» г. Пскова
Центральная
городская библиотека
ул.Конная, д.6
Читальный зал

ПАЛЬМИР
Москва-Самолва
2019

МАУК "ЦБС"
г. Пскова

ББК 84Р6

Художник Александр Коростелев
Дизайн Илья Семин

Ш 19 Шамраева Софья. Сказ о ганзейском хождении в землю псковскую / Шамраева Софья Андреевна; [ил. А.Коростелева]. — Москва-Самолва, 2019. - 34 с.

ISBN 978-5-93811-066

Это краткая увлекательная история о тех временах, когда европейские купцы пускались в опасные предприятия в псковскую землю. О временах, когда на Великой встречали торговых гостей из разных стран. О временах таинственных и далеких...

ББК 84Р6

ISBN 978-5-93811-066

Перепечатка книги или ее фрагментов, воспроизведение любым способом только с письменного разрешения автора.

© Шамраева С., 2019 г.
© Коростелев А., иллюстрации, 2019 г.
© Семин И., дизайн, 2019 г.
© ПАЛЬМИР, издание, 2019 г.

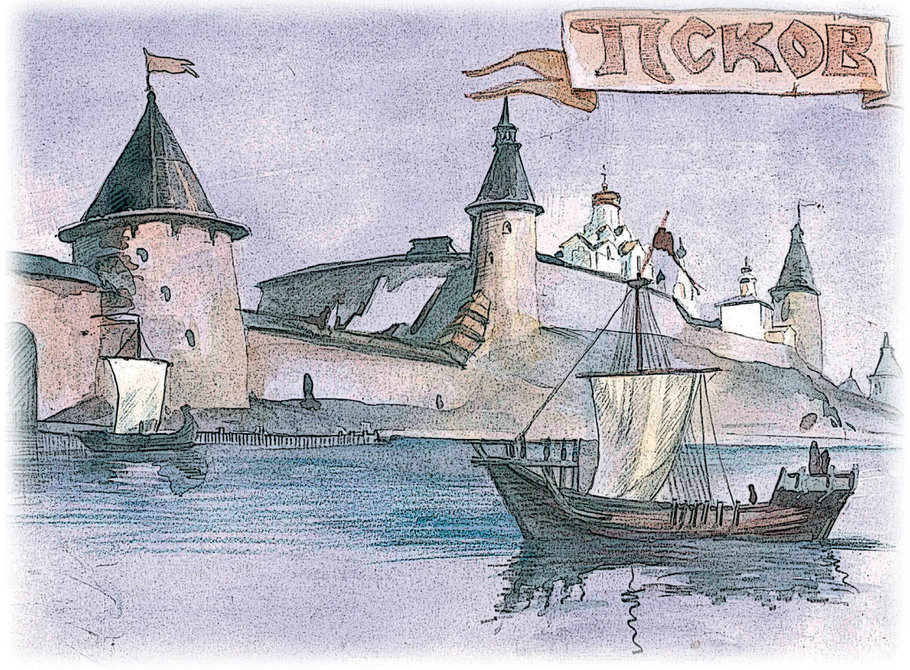
XXXIX

МЕЖДУНАРОДНЫМ ГАНЗЕЙСКИМ ДНЯМ В ПСКОВЕ

посвящается

Выражаю благодарность за помощь:

Мартину Петровичу Нормантасу – Музей Ганзы (Порхов)
Даниилу Григорьеву – Музей Ганзы (Порхов)
Елене Тихоновой – Клуб «Компас знаний» (Псков)
Ольге Кошельковой (Псков)
Ульяне Михайловой – газета «Псковская провинция»
Николаю Шамраеву (Москва)



I

Солнце в этот день светило необыкновенно ярко. На голубом небе не было ни единого облачка, и погода как бы сопутствовала размеренной псковской жизни. Солнечные лучи отражались в куполах храмов, в неспешной воде реки Великой, в шлемах ратников, стройными рядами проходящих возле могучих стен псковского кремля. На деревянный помост выходили женщины с корзинами, полными белья, и неспешно, попутно сплетничая и рассказывая друг другу последние новости, принимались за стирку.

Недалеко от пристани пара крестьянских мальчишек ловила рыбу. Они любили это место, потому что здесь часто можно было увидеть заморские корабли, привозившие диковинные товары, и чужеземцев, одетых в небывалые костюмы. Вот и сейчас в лазурной дали они увидели несколько красно-белых парусов. Через некоторое время на горизонте отчетливо стал виден караван разнообразных кораблей, приближающихся к пристани. На их палубах толпились люди в заграничных одеждах, похожие на тех, кого называли «немцами» или «гостями». Корабли причалили к пристани, и вскоре на берег по трапу стали сходить люди, выкатывающие перед собой бочки, выносящие на плечах огромные тюки и мешки.

На палубе переднего корабля с выведенной серебряными буквами надписью «Der Schwann» («Лебедь») стояли и разговаривали два человека. Один был рослый, крепкого сложения, лет сорока с густыми каштановыми бакенбардами, в дорожном плаще из темно-синего сукна, наброшенном поверх длинного кафтана с аккуратно подобранными и перетянутыми у локтей рукавами. На голове у него красовалась черная шапочка, опушённая по краям мерлушкой, а на ногах – черные узкие сапоги. Это был не кто иной, как хозяин корабля, весьма почитаемый ганзейский купец Иероним Майер из Кёнигсберга. Он уже не в первый раз приезжал в Псковскую землю, чтобы выгодно продать рыбу, жёлтый янтарь, голубое фландрское сукно, а заодно купить красивые вещи в подарок бургомистру и его супруге. Второй был юноша в ярко-красном берете, из-под которого выбивались пряди русых волос, а в серых глазах светилась восторженная мечтательность. На нем был плащ такого же покроя, как и у Майера, но светло-коричневый. Это был племянник судовладельца по имени Якоб, впервые вышедший с ним в море. Вот о чем они говорили.

– Вот увидишь, Якоб, – говорил Майер, одновременно посматривая на пристань, где вовсю сновали люди, одетые в разнообразные одежды, слышалась незнакомая речь, – вот увидишь, тут найдется больше красивых и ценных товаров, чем в Ольборге и Амстердаме. Русские, я слышал, большие охотники до рыбы, и не будь за мной славной Ганзы, если удача не будет ходить за нами хвостом!

– Не сомневаюсь, дядюшка – отвечал молодой человек, – и полагаю, что для

моей дорогой Маргариты и для её матушки тоже найдется что-нибудь стоящее.

– Разумеется, мой мальчик! Когда я был не старше тебя, мой отец частенько наведывался с кораблями в эти славные земли и рассказывал мне о здешних жителях-кривичах. Право, жители Псковской земли – весьма интересный народ...

– Господин Майер, последнюю бочку с селёдкой вынесли на берег, – с сильным акцентом доложил, подойдя к купцам, корабельщик-венгр.

– Хорошо, Матиа, ступай, – кивнул судовладелец, и, обратившись к племяннику, поманил его рукой. – Идём, мой мальчик.

Якоб сошёл вслед за дядей по трапу. На пристани уже собралось множество горожан различных сословий, званий, возрастов, и все с любопытством и восторгом смотрели на прибывших гостей-купцов; бояре в высоких шапках и красных сапогах, боярыни в повойниках и платках, закрывавших всю голову, служилые люди в красных зипунах, с саблями за поясом, два дьячка с бородами, закрученными наподобие пружин, мальчишки-подмастерья, бабы-калачницы с лотками... словом, настоящая людская карусель.

С другого корабля «Санта-Анна» сошли на берег два других торговца. По одежде в них можно было распознать уроженцев Венеции, как и по их итальянскому говору между собой.

– Право, Винченцо, если весь этот народ будет так толпиться, нам негде будет поставить наш груз, – приятным тенором жаловался один, с меланхолически бледным и узким лицом. На нем был изумрудного цвета плащ со складками, из-под которого виднелись изящные ручки с длинными и тонкими, как у женщины, пальцами. – Эй ты, поосторожнее, там хрупкое стекло! – эти слова относились к кормчему, ковылявшему со своей ношей впереди.

– Ты прав, Беральдо, – слегка простужено отвечал другой, в темно-фиолетовой одежде и черных перчатках. Его острый нос и мрачные глаза придавали ему сходство с филином. – Смотри! А вот и проклятые прусские торговцы!

Якоб и его дядя тоже заметили их и поспешили пройти мимо. Они, как и большинство немцев, недолюбливали надменных венецианцев, не только за их приверженность Папе Римскому, но и за то, что, по слухам, там развернулся очаг разных контрабандных делишек. А итальянцы, в свою очередь, пренебрежительно относились к пруссакам, во-первых, как к исповедующим протестантизм, а во-вторых, из-за союза прусского короля с Генрихом II, претендующим на некоторые северные герцогства. К тому же они считали, что их товар – серебряная и стеклянная посуда – может привлечь больше покупателей, чем какая-то там селедка.

– Я сейчас вернусь, Якоб, а ты подожди меня здесь, – сказал Майер и направился к писцу, сидевшему неподалёку и записывавшему в книгу количество товаров.

– Да, дядюшка, – рассеянно отозвался племянник. Он уже вовсю был поглощён этой пёстрой каруселью и только успевал поворачиваться направо и налево. Внезапно мимо него прошмыгнул какой-то заморыш в ветхой рубашке. Одновременно с этим в толпе раздался женский крик:

– Ой, батюшки! Да что же это делается-то!

Якоб, пробравшись сквозь толпу, увидел двух женщин: одну пожилую в алой парчовой кичке на голове и пестрой шали на плечах, другую – молоденькую, в

летнике цвета морской волны и кокошнике с изумрудами. Лицо первой выражало беспредельное возмущение, второй – оторопь.

– Чего случилось, тетка? – спросил пожилую сотский в зипуне.

– Ой, милой! У боярышни колечко с мизинца какой-то прощелыга стянул! – от негодования щеки женщины раздулись и заалели, как ее кичка, а сама она стала похожа на распушившуюся индюшку. – Серебряную утварь подошли поглядеть, а он тут как тут – колечко схватил и дёру! Да вон он, охальник, на корабль запрыгнул!

Действительно, воришка, замеченный Якобом, успел взбежать на корму «Санта-Анны» и с наглым удовольствием покачивался на капитанском мостике. Народ, собравшийся вокруг, показывал на него пальцами, слышались изумлённые возгласы и смешки. Венецианцы, только что демонстрировавшие свой товар покупателям, сначала онемели от неожиданности, а потом разразились яростными проклятиями. Сотский первым сообразил, что надо делать.

– За мной, ребята! Лови вора! – скомандовал он, и все остальные сотские спешились и бросились на корабль. Кто-то оказался быстрее других и ринулся прямо на капитанский мостик, чтобы схватить наглеца, но тот с ловкостью обезьяны взобрался на рею и, балансируя по ней, издевательски поглядывал вниз на сотских.

– Вот мы тебе, кобылину сыну, покажем кузькину мать! – кричал снизу первый сотский. Якоб, не думая больше ни минуты, взбежал на корабль, залез на бочку, стоявшую под мачтой, оттолкнулся от неё обеими ногами и повис на рее, ухватившись за неё руками. Этого воришка явно не ожидал. Якоб, воспользовавшись его замешательством, одной рукой схватил вора за ногу, сбросил его вниз на мягкие тюки, а затем спрыгнул сам.

– Ай да немец, ай да хват! – послышались одобрительные голоса сотских.

Побежденный, лежавший в самом жалком положении, испуганно моргнул и закрыл лицо руками. Якоб заметил, что из-за пазухи у него выкатилось кольцо с крупным лиловым камнем. Юноша бережно поднял его и увидел, что к трапу подошла та самая девушка в бирюзовом наряде вместе со своей спутницей. Якоб протянул ей кольцо.

– Спасибо тебе, купец! – голосок молодой незнакомки звучал как струна на лютне. Якоб почувствовал, что сейчас он утонет в этих глазах-озерах, поэтому поспешил поклониться и прошептать первое, что пришло ему в голову:

– Meine Fräulein, ich bin immer zu Ihren Diensten! (Сударыня, я всегда к Вашим услугам!)

Он прошептал это по-немецки, но девушка поняла его.

– Прошу, возьми этот перстень в дар. Матушка говорила мне, что этот камень – лиловый гранат – сохранит от измены. – Она повела ресницами на крупный камень в перстне. Якоб надел кольцо на палец и благоговейно поцеловал руку своей новой покровительницы.

– А басурман-то не промах! Храбрец, одно слово! – одобрительно проговорила женщина, увидев, как зарделось лицо её воспитанницы. – Жаль, что по-нашему не говорит, а то был бы тебе, Настенька, муж хороший!

– Ах, тетушка, будет вам! – Настенька поправила кокошник на голове и, бросив лучистый взгляд на молодого купца, вместе с теткой поплыла сквозь толпу. Якоб проводил её долгим заворожённым взглядом и не заметил, как к нему подошёл его дядя.

– Я всё видел, мой мальчик! И горжусь тобой! – Майер так хлопнул его по плечу, что Якоб чуть не потерял равновесия. – А теперь пошли, пока нас эти паписты не согнали! – это относилось к венецианцам. И Якоб последовал за дядюшкой. В спину ему смотрели десятки девичьих взглядов, и слышался восторженный шёпот.

– А с тобой, голубчик, мы еще разберемся! – говорили сотские, сводя с корабля неудачника-воришку. – Сведём тебя к посаднику, ужо он тебя так угостит, что мало не покажется!

I I

Над Псковом опустилась теплая летняя ночь. Торговые корабли, ладьи и учаны мирно покачивались у причала, гордо подняв свои резные носы. Под бортами тихонько плескалась вода. На «Лебеде» все уже спали. Только старый боцман Петер ван Гегель, которому Майер поручил нести вахту, стоял на палубе и вглядывался в безоблачно-звездную даль. Мысли его были так же ясны и вместе с тем загадочны, как ночное небо. Он думал о своем родном городе, о жене Луизе и дочери Катрин, о том, что еще ждет их впереди... Внезапно Гегель повернул голову. Ему показалось,

что какая-то серая тень прошла вдоль борта и скользнула в трюм, где стояли бочки с селедкой. Крысы? Нет, не похоже. Гегель засветил фонарь и спустился по лестнице в трюм, стараясь быть бесшумным. Он вжался в угол, где лежал скрученный канат и стояли ящики с провизией, и стал всматриваться в темноту. Через некоторое время он разглядел человеческую фигуру, маячившую возле бочек. На мгновение она повернула к нему свое лицо, и Петер чуть не выронил фонарь. Это был Матиа!

«Зачем он здесь? Что он здесь делает в такое время?» Пока Петер лихорадочно соображал, что ему делать, Матиа заглянул в одну, другую бочку, достал из-за пояса бархатный мешочек, в котором было что-то мелкое и сыпучее – не то песок, не то перец – бросил его в бочку, положил пару селедок сверху и спокойно прошел мимо закрытого ящиками боцмана к лестнице. Гегель услышал, как он поднимается наверх.

«Уж не хочет ли этот плут отравить рыбу?» От ужаса у старика все похолодело внутри. Он кое-как выбрался из своего нехитрого укрытия и тоже поднялся наверх. Когда его голова уже была над палубой, он увидел Матиа. Он стоял на корме, а с ним – еще двое. Петер присмотрелся и узнал венецианцев с «Санта-Анны». «Им-то что здесь надо?» – подумал он. Из-за мачты его не было видно, и он смог услышать их разговор.

– Я сделал всё, как вы велели, сеньор Винченцо! – приглушённым голосом доложил Матиа (он говорил на итальянском). – Я слышал, что Майер хочет направить свой корабль в Ливонию, значит, там нам повезёт больше всего!

– Ты молодец, Матиа, – ответил Винченцо, купец, похожий на филина. – Тебя ждет заслуженная награда! – он вынул из-за пазухи кошель с серебром и отдал венгру. Тот с жадностью затолкал его под куртку, а Бералдо добавил:

– Тебя никто не заподозрит, можешь быть уверен. Все знают, как ты предан господину Майеру! – по его тонким губам скользнула змеиная ухмылка. – Да и кому придёт в голову искать контрабандный товар в рыбе?

«Вот оно что! Контрабанда! Подлый наемник!» Гегель понял всё. Он не знал, что было подложено в бочку, но понял, что его господину грозит опасность. Первой его мыслью было бежать в каюту и рассказать всё. Но от возбуждения он стукнулся головой о мачту. Разумеется, его услышали.

– Там кто-то есть! – хрипло произнёс Винченцо. – Матиа, посмотри!

Матиа кинулся к мачте и обнаружил там бледного, как бумага, боцмана.

– Сеньоры! – крикнул он. – Поглядите, какая рыбка попалась в наши сети!

Винченцо и Бералдо подбежали и тоже увидели старика.

– Старый волк, ты шпионил за нами! – Винченцо схватил его за шиворот.

– Матиа! Я задушу тебя своими руками, подлый выродок! – вскричал Петер и попытался вырваться из рук итальянца, но тот держал его цепко.

– Послушай меня, дружок, – вкрадчивым, елейным голосом произнёс Бералдо. – Если ты попытаешься поднять руку на нашего помощника Матиа или расскажешь об этом Майеру, то тебе не поздоровится, – в доказательство он вынул из-за пояса кинжал.

– Когда мы вернёмся, я расскажу всё Его Величеству, и всю вашу разбойничью шайку накроют! – пообещал несчастный Гегель.

– Да что ты говоришь, миленький! – ещё более сладко проблеял Бералдо и снова стал серьезным. – Запомни, мы не из тех, кого можно напугать таким способом. Наш дож – да благословит его Мадонна, – он перекрестился – не даст своих верных слуг в обиду!

Винченцо и Матиа кивнули в знак согласия.

– Значит, ваш дож такой же разбойник, как и вы! – яростно произнес Петер и осекся, потому что Бералдо приставил ему кинжал к горлу.

– А вот за это, старик, – мрачно предупредил Винченцо, – можно заслужить верёвку. Давай, Матиа, тащи его на рею!

– Ой, что ты, дружище, – Бералдо заговорил своим прежним елейным тоном, – давай лучше я его зарежу вот этим кинжальчиком!

– Опомнись, Бералдо! К чему лишняя кровь на корабле? Ладно, старик, живи, – он выпустил Гегеля. – Но помни: Матиа будет следить за тобой, и, если ты только пикнешь о нашем дельце кому-нибудь из команды, твоя жёнушка тебя уже не дождется!

– Мы тебя предупредили! – многозначительно подтвердил Бералдо. – Пошли, Винченцо! – и оба приятеля, завернувшись в плащи, удалились обратно на свой корабль.

– Понял? – спросил Матиа несчастного боцмана, и когда тот кивком выразил свою покорность, махнул рукой: – Ладно, старый сморчок, ступай спать, сейчас моя смена!

А в покоях посадника Шигоны тоже не спали. У хозяина сидела его сестра Варвара Афанасьевна – та самая женщина, которая была с Настенькой на пристани – и с воодушевлением рассказывала брату о случившемся происшествии, сопровождая свой рассказ глотками воды из чарки.

– ...И вот, братец, он твоей дочке перстень вернул, а она и говорит: «Возьми его от меня в подарок». Он взял, да еще и ручку ей поцеловал. Бывают же в неметчине этакие молодцы, а? – с видом превосходства закончила старая боярыня.

– На ловца и зверь бежит, – кивнул посадник, и вздохнув, оперся на локоть. – Одно в них нехорошо, Варвара: говорят, будто они на девиц оченно падки, и невест могут прямо из-под венца умыкнуть.

– Да ну? – изумилась Варвара Афанасьевна и сделала большой глоток. – А со мной, братец, тоже история была. Я в девичестве частенько на пристань любила ходить, смотреть, как купцы товары разгружают. Само собой, тайком от матушки. Ну и положил на меня глаз один басурман – не то швед, не то саксонец... И вот подарил он мне платок – ткань заморская, цвета лунного, с серебряными ниточками. Думаю, что же с ним сделать, чтоб маменька чего не заподозрила – да и повесила в светёлке на окно, чтоб солнце не больно ярко слепило. А? И ведь никто не догадался! – Варвара Афанасьевна от души рассмеялась, и серьги в ее ушах мелко затряслись.

– Ох, сестрица, уболтала ты меня! – с некоторой досадой махнул рукой Шигона. – Ладно, пошли спать, а то, чай, скоро первые петухи запоют.

Следующий день прошёл на редкость удачно. Майер выбрал несколько шкурок черного хорька и, складывая их в сундук, уже представлял, как его милость господин бургомистр обрадуется такому подарку, а Якоб присмотрел чудесные ожерелья из речного жемчуга для Маргариты и ее матери фрау Марты. Сокровища были незамедлительно отнесены на «Лебедь».

– Что ж, племянничек, дела у нас идут удачно, значит мы скоро можем отправляться. А по дороге завернём в Ливонию и продадим там оставшуюся селедку, – говорил племяннику довольный Майер по пути к кораблю.

– В Ливонию, дядюшка? – переспросил Якоб. – А как же разбойники, что грабят торговые корабли по пути в Чудское озеро?

– Разбойники? Якоб, мальчик мой, ты пуглив, как заяц! – снисходительно бросил купец. – «Лебедь» уже десять лет ходит по рекам и озерам Ливонии и русичей и испытал немало, поверь! Моя команда хорошо подготовлена, чтобы дать грабителям решительный отпор. Так что не тревожься! – он по-отечески положил юноше руку на плечо. В душе у Якоба по-прежнему было нехорошее предчувствие, что эта схватка может стать роковой для них, но с дядюшкой спорить он не стал.

По пути они встретили боцмана. Тот снял шапку, приветствуя господина, и бросил на него отчаянный взгляд, будто желая что-то сказать... но тут он вспомнил угрозы итальянцев и обещание Матиа следить за ним, вспомнил свою единственную дочь и сник. Ему ничего не оставалось, как проследовать за ними, понурив голову.

III

«20 мая 1528 года. Наконец-то наш «Лебедь» покинул гостеприимную псковскую землю. Впереди ждет Ливония. Нас провожали многие жители города...»

Тут Якоб остановился, вспомнив, как махала вслед уплывающему кораблю платочками девичья толпа на пристани. И среди них была она – Настенька, дочь правителя города, которая дала ему столь бесценный подарок... И небесные глаза ее, казалось, следили именно за ним! Якоб вспомнил и о другой женщине – нежной, желанной Маргарите, ждущей его в родном Кёнигсберге. Он словно бы видел, как она сидит у залитого солнцем окна с вышиванием, а фрау Марта рядом кроит рубашку. И карие, как майоран, очи Маргариты наполнены надеждой и мечтой...

Вот опять! Якоб поймал себя на том, что постоянно сравнивает эти два взгляда. Образ одной заслонял в нем другую. Юноша с досады решительно махнул головой. Хватит! Судьба уже решила всё за него. У него есть дама сердца – Маргарита, с которой он обручён раз и навсегда и ни на кого ее не променяет. Но стоило ему взглянуть на перстень – и он опять возвращался к тому, с чего начал.

«Да что же это такое! Надо думать о деле, в конце концов! – окончательно разозлился на себя Якоб, и, стиснув зубы, продолжал писать.

«Гегель занемог. У него заболел зуб. Полагает, что от сквозного ветра. Лекарь сделал ему компресс. Стало легче. Как долго будем мы идти до Ливонии, я не знаю, но да поможет нам святой Мартин и Пречистая Дева...» Тут ему пришлось прерваться, чтобы сказать: «Войдите» на стук в дверь каюты.

– Господин Якоб, – сообщил вошедший в каюту Матиа. – Господин Майер требует вас к себе на палубу.

– Хорошо, скажи, что я сейчас приду, – ответил Якоб. Ему было слегка досадно на дядю. Вечно он призывает его к себе, когда племянник чем-нибудь занят! Всё же юноша надел свой плащ и поднялся на палубу, гадая, зачем это он понадобился Майеру.

– Вы звали, дядюшка? – спросил он.

– Да, Якоб. Видишь ли тот корабль перед нами? – купец указал рукой вдаль. Якоб увидел неясные очертания корабля с синими в лунной ночи парусами.

– Вижу. И что из этого?

– Посмотри поближе, – дядя протянул ему подзорную трубу. Якоб взглянул и увидел на борту корабля пушки.

– Они вооружены! – воскликнул он.

– Вот именно. Это не торговый корабль. Каковы их намерения, я не знаю, но на всякий случай надо быть наготове. Скажи об этом всем. Да, и позови сюда Гегеля.

– Как скажете, дядюшка, – кивнул Якоб и отправился выполнять поручение.

Тем временем корабли всё быстрее сближались. Майер уже мог разглядеть людей, стоящих на палубе. Это были свирепого вида мужики в шапках, распахнутых кафтанах и пёстрых рубахах. Кто-то с серьгой в ухе, кто-то без руки или глаза. Они были вооружены до зубов всевозможными дубинами, саблями и топорами, а у пары из них даже были пищали. Это были беглые холопы, крестьяне и казаки, объединившиеся в шайку, грабящую корабли. Атаманом, по-видимому, был богатырского сложения мужчина с косматой рыжей бородой, похожей на львиную гриву. Держался он важно и надменно, а взгляд его был грозен. Он о чём-то разговаривал со своими разбойниками и при этом с явным предвкушением будущей резни натачивал свою саблю со звериной мордой на конце ручки.

«Русские корсары!» – понял Майер. – «На рыбу они, может быть, и не позарятся, но самое ценное – меха и жемчуг – они не упустят, если дело дойдёт до абордажа!»

– Прикажите привести корабль и всю команду в готовность отразить нападение, – сказал Майер пришедшему боцману.

– Слушаюсь, – отчеканил Гегель. – Слушай мою команду! – зычно крикнул он матросам. – Убрать паруса, встать с оружием на правый борт!

Через несколько секунд вся команда уже стояла на правом борту, вооружённая всем тем, что смогли найти на корабле. Якоб сжимал в руках небольшой топор. Его одновременно обуревали страх и тяга к настоящей битве. Атаман закончил точить своё оружие и враждебно посмотрел в сторону «Лебедя». По спине Якоба потёк холодный пот. Все молчали и даже старались не дышать. Напряжение было сильно как никогда. «Пли!» – вдруг крикнул атаман и вскинул вверх свою саблю. В следующее мгновение сразу несколько пушек и пищалей одновременно грянули залпами. Борт разбойничьего судна окрасился дымами. Два ядра пролетели мимо, а третье пробило борт «Лебедя» чуть выше ватерлинии. Майер приказал заткнуть пробоину тюками и мешками с провизией. Разбойничий струг уже подошёл на довольно близкое расстояние, и помощник главаря закричал, сложив ладони рупором:

– Эй вы, индюки заморские! Лучше вам не сопротивляться. Поглядите, кто перед вами стоит – сам грозный атаман Никита Федорович по прозванью Медвежье Ухо. Ещё никому из купцов от него скрыться не удавалось. Так что подавайте нам свои богатства – и куниц, и бобра, и жемчуг, и серебра! Вам же лучше будет!

– Что он кричит? – спросил Майер у лекаря, знавшего русский язык и служившего у них толмачом. Тот почесал бородку и ответил:

– Кажется, они хотят, чтобы вы добровольно отдали им свой ценный груз. Тогда вам будет легче.

– Ну нет! – азартно воскликнул купец, и глаза его заблестели. – Не бывать этому! Друзья, – обратился он к команде, – натягивайте паруса! Полный вперёд! Посмотрим, крепки ли у этих русских пиратов кости!

Якоб подбежал к рулевому и сказал ему:

– Томас, разворачивай корабль!

– Но зачем? – удивился рулевой.

– Мы протараним эту посудину! – выпалил юноша, и Томас увидел в его глазах огоньки азарта.

– Вы шутите?! – опешил Томас.

– Нет! – решительно ответил молодой человек. – Разворачивай «Лебедь», и побыстрее!

«Лебедь» стал медленно разворачиваться на 90 градусов, готовясь словно стрела пронзить разбойничий струг.

– Атаман, кажись, они на таран идут! – крикнул жилистый мужчина с чёрной как смоль бородой предводителю чудских корсаров.

– Сам вижу, – угрюмо сказал атаман. – А ну-ка, Степан, вороти струг, так чтобы с ними борт о борт встать. И скажи хлопцам, чтобы к нападению готовились.

«Лебедь» всё быстрее и быстрее приближался к стругу. Ещё немного, и он бы разнёс его в щепки, но струг вовремя повернулся и корабли с грохотом столкнулись бортами. На обоих судах люди попадали на палубу, но шайка Никиты Медвежье Ухо быстро вскочила на ноги и с дикими криками бросились на абордаж. Зазвенели сабли и кинжалы, сталкивающиеся друг с другом в пылу битвы. Майеру в противники достался помощник атамана – мужчина невысокий, но быстрый и изворотливый. Лицом и телом он напоминал хорька, даже оскал у него был звериный. Майер загнал его на капитанский мостик, но разбойнику удалось выбить у него меч. Он уже собирался пронзить Майера, но к счастью, сзади подоспел Якоб и раскроил «хорьку» голову своим топором.

– Как ты вовремя оказался рядом, сынок! Спасибо тебе, – с чувством проговорил Майер, пожимая племяннику руку. – А теперь добьем остальных! – И они ринулись вниз.

Гегель, забыв о своём зубе, выскочил на палубу, где уже вовсю кипела битва, вооружённый двумя ножами с костяными ручками. Ловко примерившись, он нацелился в разбойника, дравшегося возле мачты с рулевым, хорошенько размахнулся... и оба ножа пригвоздили рукава негодяя к мачте.

Медвежье Ухо не зря точил свою саблю. Он управлялся с ней ловко и быстро, сея ей смерть направо и налево. Прикончив очередного противника, он нос к носу столкнулся с Якобом. Завязалась схватка. Якоб умело парировал удары, хоть с топором это было делать не легко. По красному, запыхавшемуся лицу предводителя катился пот. Он злился от того, что не мог наконец прикончить назойливого противника, и поэтому вкладывал в каждый удар всё больше силы.

В этой суматохе никто не заметил лазутчика Матиа. Подобно крысе, покидающей корабль, которому предстоит утонуть, он прокрался на заднюю часть борта, прыгнул в шлюпку, уже покачивающуюся на воде (ее заранее опустил кто-то из команды) и поплыл в юго-восточном направлении, налегая на вёсла, подальше от злополучного корабля.

Меж тем на корабле схватка была в самом разгаре. Петер ван Гегель, вытирая со лба пот, решил применить военную хитрость.

– Ребята! – скомандовал он двум своим помощникам. – Быстро вниз – тащите мешки с сухарями, все, кроме одного! Скорее!

Те скрылись в трюме и вернулись с двумя мешками провизии. Гегель велел тащить их на левую часть палубы, затем вышел и сам. Он откашлялся и крикнул, чтобы привлечь внимание грабителей:

– Эй, ненасытные крысы! Вот сокровища, которые мы вручаем реке! Смотрите!

Он дал знак, и оба помощника подняли мешки над головой и бросили их за борт. Раздался громкий плеск. Никита Медвежье Ухо, только что наносивший удары своему неприятелю, остановился. Его рука на мгновение застыла в воздухе, а затем он, выпучив глаза, бросился к борту, перемахнул через него и прыгнул в воду. Его дружки, с такими же ошалевшими лицами, бросились за ним. Они ныряли с головой, пытаясь схватить, как они думали, «драгоценный» груз. А тем временем Томас встал у руля и медленно начал уходить от места стычки.

Разбойники, вынырнувшие на поверхность, разразились дьявольской руганью, поняв, что их обвели вокруг пальца. Некоторые подплыли к кораблю, пытаясь забраться по сходням, но тут же получали от храбрых немцев по башке. «Лебедь» уходил всё дальше и дальше, и грабителям поневоле пришлось отстать. Ликующие члены команды хлопали друг друга по плечам и вытирали со лбов пот.

– Уф, долго же они будут помнить эту схватку! – сказал Майер, лицо которого

так и сияло. – Кстати, – прибавил он, обращаясь к рулевому, – а где же Матиа?

– Не знаю, – растерянно покачал головой тот и посмотрел на своих напарников. Те так же неопределённо переглянулись и пожали плечами.

– Наверное, его убили в бою, а тело кинули за борт, – несмело предположил Томас.

– Тогда мир праху его! – склонил голову купец и повернулся к боцману. – А ты нынче у нас – герой! Если бы не твои ребята, нас бы всех перерезали как пить дать! Интересно, а что было в тех мешках, которые они выкинули за борт?

– Провизия, господин Майер! – гаркнул один из помощников.

– Черствые сухари! – пояснил другой.

– Что-что?! – Майер строго глянул на боцмана. – Это что за самовольство?!

– Виноват, хозяин! – отчеканил Петер, вытянув руки по швам.

– Разве я давал тебе разрешение на это?! – Майер готов был схватить его за грудки, но вспомнил о его геройском поступке и остыл: – Ладно, на первый раз прощаю тебя, но при первой же нехватке провизии это тебе зачтётся!

IV

В Ругодиве команда Майера пересела на корабль «Рысь», который вышел в Балтийское море. Погода была ясная и безмятежная. Над волнами носились черноголовые чайки. Настроение у всей команды было приподнятое. Даже Петер

ван Гегель заметно приободрился и постепенно забыл о той страшной тайне, которая покрывала селедку, лежащую в трюме.

На десятый день Якоб заметил вдалеке на горизонте город. Это была их вожделенная цель – Рига, важный торговый порт Ливонии.

– Дядя! Взгляните! – радостно воскликнул юноша.

– Слава Богу! – сказал Майер. – Значит, скоро мы бросим якорь.

Приближаясь к берегу, они заметили у пристани несколько человек в черных кафтанах судейских и черных же перчатках. Когда корабль причалил к пристани, высокий старик впереди взошёл на корабль.

– Чему обязан, господа? – любезно спросил Майер.

– Судебный пристав Руперт Эриксон, – надтреснутым голосом объявил старик и поклонился. – В целях предотвращения нежелательных действий против закона я должен осмотреть ваш корабль.

– Дядя, зачем же...? – попробовал выразить протест Якоб, но рука Майера властно легла ему на плечо. Остальные приставы так же чинно взошли на корму.

– Как ваше имя, сударь, и откуда вы? – строго спросил один из них.

– Иероним Майер, купец из Пруссии. Сейчас мы держим путь из Псковских земель.

– Что вы везете, любезнейший? – спросил другой.

– Рыбу для продажи в вашем городе, и некоторые дорогие вещи для моего бургомистра. Если желаете, я сам провожу вас в трюм, где хранится груз.

Господин Эриксон и остальные чиновники прошествовали за купцом вниз. Они придирчиво осмотрели все тюки, мешки и корзины, заглянули в бочки и перерыли всю селедку. Гегель, стоявший в сторонке, бурчал себе под нос: «Вот ведь наглые конторские крысы! Не оставят нас в покое... Черт бы их побрал!».

– Боже мой! Что это такое? – внезапно воскликнул низенький пристав, двумя пальцами вынимая из бочки зловещий бархатный мешочек. Гегель ахнул и даже сел на пол.

– А вот сейчас и посмотрим! – Эриксон деловито потер руки.

– А вдруг там опиум?! – испуганно спросил третий судейский.

– Развязывайте! – приказал Эриксон.

Низенький осторожно потянул за ленточку и развязал её, затем заглянул в мешочек. Глаза его медленно полезли на лоб, рот открылся, он издал какой-то утробный звук, похожий на скрип несмазанного колеса, и запустил туда руку. Все столпились вокруг него. Рука коротышки разжалась, явив всем горсть камешков кроваво-красного цвета, похожих на сердолик. При виде этих предметов судейские в суеверном ужасе отпрянули назад, словно египтяне перед изображением Анубиса.

– Алый янтарь! – на одном дыхании прошептал Руперт Эриксон, готовый упасть в обморок. – Спаси и помилуй нас, Господи!

– Товар подлых итальянцев! – так же простонал его товарищ. – Контрабанда!

Низенький ссыпал камни обратно в мешочек и строго повернулся к Майеру и его племяннику, которые были ошеломлены ничуть не меньше.

– Что? – сказал он. – И как вы это объясните?

– Уверяю вас, господа, это ошибка! – начал объяснять Майер. – Могу поклясться своей честью, что с итальянцами мы никаких сношений не имели и не имеем, и я совершенно не имею понятия, кто мог подбросить запрещённый в Ливонии товар в эту бочку!

– Мой дядя говорит правду! – горячо кивнул Якоб.

– А вы помолчите, молодой человек, когда говорят старшие! – осадил его Эриксон. – Итак, сударь, следовательно, вы отказываетесь объяснить сие странное явление?

– Мне нечего сказать, господа! – твердо отвечал купец.

– В таком случае мы вынуждены конфисковать ваш корабль и весь ваш товар, – бесстрастно пообещал старик, – а вы будете заключены под стражу вплоть до окончательного завершения судебного разбирательства!

– Но как же так? – опять рванулся вперёд Якоб, но его остановила сухая рука почтенного пристава.

– Учтите, господа, мы действуем в интересах закона и правосудия, – невозмутимо и жёстко сказал господин Эриксон, – а посему никаких возражений с вашей стороны не допускается. Вам всё понятно?

На это возразить было нечего, и Майер, совершенно раздавленный под ледяными взглядами чиновников, и его племянник были препровождены на берег.

Вся команда чуть ли не со слезами на глазах провожала своего господина. Особенно терзался Петер ван Гегель.

– Ах, я старый болван! Ах, я пустой чугунный горшок! – твердил он, ломая руки. – Почему я не предупредил хозяина об этом дьявольском подлоге! Теперь из-за меня его упекут за решётку! Ах, что я наделал!

Майер в жизни не испытывал такого стыда. Подумайте – его, знатного ганзейского купца, ведут под конвоем по улице, как какого-нибудь каторжника, под любопытными взглядами зевак... Какое унижение для честного бюргера! Якоб молча сжимал кулаки, глядя прямо в землю. Он хотел, чтобы это было сном, но происходящее с ними было ужасающей явью.

Арестованных довели до ратуши, где обычно проводились заседания суда. Там к ним приставили двух стражников, которые проводили пленников в нижний этаж. Там располагались камеры, где им предстояло провести ночь, может быть, даже не одну. Затем стражники, препоручив заботу об арестованных тюремщику, удалились.

– Дядя, как это вышло? – спросил Якоб.

– Боюсь, сынок, я не знаю этому объяснения. У меня, правда, появилась одна догадка... но нет! Этого не может быть!

– Какая догадка?

– У меня есть мысль, что среди моих людей завелся изменник.

– Изменник?

– Да, лазутчик, нанятый этими мерзкими католиками! Именно он и подложил в мой товар мешочек с запретным камнем.

– Но кто это мог быть, дядя?

– В самом деле, кто?.. Это не старина Гегель, нет! Я знаю его восемь лет и доверяю ему, как своему родному брату. Да и он готов пойти за меня в огонь и воду. Томас Нойманн? Рудольф Митце? Они совсем зелёные парни, кто знает, что у них на уме... Может быть, это Фабиан Краузе? Он всегда казался мне каким-то скрытным и нелюдимым...

– А если это... – Якоб помедлил. – Если это сделал ваш венгерский пленник?

– Матиа? С чего ты взял?

– Он венгр, а Венгрия находится довольно близко от Венеции, следовательно, есть все основания предполагать, что он входил в сношения с дожем Венеции и воспользовался случаем получить вознаграждение. Правильно я рассуждаю, дядюшка?

– Да, Якоб, твои суждения весьма основательны, однако все же не стоит торопиться с выводами. Кто знает, как все обернется на самом деле...

Скоро пришел тюремщик и принес еду заключенным.

– Ваше дело передано в суд, – сообщил он. – Будут разбирать, а если так ни к чему и не придут, то сообщат самому господину Великому Магистру. – при этом его глаза благоговейно засветились. – Уж он-то враз рассудит, кто прав, а кто нет!

– А скоро суд придет к решению? – с нетерпением спросил купец.

– Об этом я ничего не знаю, – ответил тюремщик. – Может, три дня, может, неделю, это уж как господам судьям будет нужно. А пока что ваше дело – сидеть тихо и ждать!

– Неделю! – воскликнул Майер. – Боже мой! Нас ждут в Кёнигсберге, моя команда не находит себе места, а мы должны томиться здесь, словно грабители...

Тюремщик ушел. Спустилась ночь. Майер, утомленный физически и душевно, уснул на скамье. Якобу же было не до сна. Он сидел у низенького окошка, глядя в дымчато-свинцовое беззвездное небо и думал о своей возлюбленной. Думая о ней, он впал в какое-то полузабытье, но внезапно его грезы были прерваны стуком в дверь. Так мог стучать только тюремщик.

– Войдите! – очнувшись, сказал Якоб.

Вошел тюремщик. С ним был странный незнакомец, одетый как чиновник, но шляпа и башмаки, в отличие от судейских, у него были белые. Ему казалось лет тридцать. Лицо было украшено небольшой бородкой, а глаза смотрели с некоторым лукавством. Майер тут же проснулся.

– Ваш старый приятель, – сказал тюремщик, – желает вас навестить. Даю десять минут, не больше. – и ушел.

Якоб пристально вглядывался в лицо вошедшего. Он вопросительно посмотрел на дядю, но тот был удивлен не меньше.

– Кто вы, сударь? – спросил Майер. – Мне кажется, будто я вас где-то видел...

– Вы хорошо знаете меня, уважаемый, – ответил гость, сняв шляпу, под которой были светлые кудри. – Помните ли вы того бедного переплетчика, которого вы пять лет тому назад спасли от долгового рабства?

– Боже мой! Я узнал вас! – вскричал Майер. – Вы – Теодор Герштейн! – И они обнялись, как старые друзья.

– А кто этот юноша? – спросил Герштейн.

– Якоб, сын моей кузины. Я в первый раз взял его с собой постигать купеческую науку. Якоб, познакомься, мой товарищ господин Герштейн.

– Рад познакомиться, – переплетчик пожал руку Якобу. – Вашему дяде я обязан своим спасением. Он заезжал в Ливонию пять лет назад. Господин Великий Магистр заказал мне переплет для Библии, но случился пожар, и моя мастерская сгорела. Не миновать бы мне кабалы, но, к счастью, господин Майер вступился за меня перед властями и заплатил им из своего кошелька. А вскоре я выстроил себе новую мастерскую, купил новых материалов и, наконец, закончил свою работу. Но почему вы здесь? Я увидел, как вас ведут по улице эти приставы, и догадался, что с вами случилась беда.

Майер рассказал ему всё.

– Да, дела ваши плохи, – заметил Герштейн. – Мне уже многое известно о делах этих негодяев. Вы не первые, кто стал их жертвой. Мой отец, служивый мореплаватель,

ходивший по делам службы в Италию, рассказывал мне, что там развернулась целая шайка контрабандистов, сбывающих алый янтарь через своих лазутчиков. Главный среди них – некий барон Санторини. Его не раз пытались поймать, но всю эту банду невозможно уничтожить. Послушайте, раз я ваш должник, то помогу вам выбраться отсюда!

– Теодор, друг мой! – вскричал Майер.

– Тсс! Слушайте меня внимательно. Для начала надо избавиться от тюремщика... Что вы сказали, господин Майер? У вас отняли все деньги приставы? Ничего, наверняка при вас осталось ещё что-то ценное.

Якоб со вздохом посмотрел на кольцо с лиловым гранатом, и его сердце забилось. Вот когда подарок его русской благодетельницы сослужит ему службу!

– Стражу, – продолжал нежданный спаситель, – я беру на себя. В полночь возле ратуши будет ждать повозка, которая отвезет вас в гавань. Только не мешкайте, а свое дело я знаю!

– Само небо послало вас, дорогой господин Герштейн! – Якоб поклонился ему до земли.

– Свидание окончено! – раздался окрик тюремщика.

– До встречи, друзья! – попрощался Теодор, протянув руку Майеру и Якобу.

В назначенный час Якоб выглянул в окно. Он увидел, как стражники на улице жадно тянут винцо из кружек, и решил, что их час настал. Он подозвал тюремщика и объяснил ему всё. Кольцо успешно сыграло свою роль, и обожающий редкие камни тюремщик, спрятав его в кошель, согласился провести их тайным ходом, предварительно велев надеть плащи с капюшонами.

– Бежим, дядя! – шепнул Якоб. Они выбрались с западной стороны ратуши, где стояла карета о двух лошадях, завешенная черной тканью. На козлах сидел возница в черном. В этот момент в верхнем окне зажегся свет, выглянул человек в судейской мантии и крикнул: «Измена!», а затем скрылся. Якоб увидел, что с восточной стороны, где лежали без чувств два стражника, бежит к ним Теодор Герштейн.

– Что же вы встали? В карету живо! – бросил он. Они сели в карету, и возница, щёлкая хлыстом, погнал лошадей.

– Как вы вовремя подоспели! – сказал Майер. – Но что же вы сделали с охраной?

– А, пустяки! – усмехнулся переплетчик. – Одолжил у своего шурина-врача порошок белладонны, смешал его с табаком и предложил им понюхать. Этот народец падок на табак и выпивку. Они до того нанюхались, что потеряли сознание.

Карета вскоре примчалась к морскому заливу, где стоял трактир. Кучер остановился. Майер и Якоб вышли из кареты.

– Как нам благодарить вас за то, что вы сделали для нас, друг мой Теодор? – со слезами на глазах спросил Майер, сжимая руку Герштейна.

– Не стоит, любезный Иероним, – ответил тот. – Долг платежом красен! Теперь же прощайте, и да хранит вас небо, где бы вы ни были!

Когда карета скрылась из виду, из трактира начали выходить слегка подгулявшие корабельщики. Среди них был Гегель. Они остановились, замерли, увидев своих господ целыми и невредимыми, а затем стали кричать «ура» и возносить

хвалы всем святым за такой исход. Гегель, конечно, повинился хозяину, рассказал, что Матиа был лазутчиком итальянцев, и умолял простить его, глупого старика.

– Памятуя о том, как ты спас всех нас от грабежа, – сказал Майер. – я прощаю тебя, старина. Служи же мне, как ты служил до сих пор, и я тебя не забуду.

Но тут же среди корабельщиков раздались крики удивления. На пристань въехали верхом множество судейских. Одним из них был Руперт Эриксон. Он спешился и подошел к Майеру.

– Мы ехали по вашим следам, сударь, – сказал он. – Вы пытались ускользнуть, но за кем стоит закон, тот и прав. С вами разберётся сам Великий Магистр. Эй вы, дайте лошадей беглецам!

Якоб обмер. Только что он в мыслях обнимал свою Маргариту на родине, а теперь им опять грозит заключение! Но Майер и бровью не повел.

– Постойте, господин Эриксон! – сказал он. – Дайте нам конфискованный янтарь, и я избавлю вас от повторной необходимости судить нас.

Эриксон хмыкнул, переглянулся со своими помощниками, а затем исполнил просьбу купца. Тот взял мешочек, зашел по колено в воду, размахнулся и бросил его как можно дальше в море.

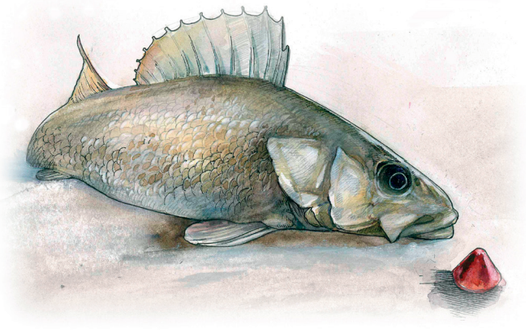
– Вот и все, господа чиновники! – обернулся он к пораженным Эриксону и остальным. – Нет улик – нет суда. Знайте, что вина не на нас, но на предателях-наемниках! Прощайте и не поминайте нас лихом. Якоб! Друзья! Пора в путь! Флаги родины ждут нас!

Эпилог

Корабль «Рысь» благополучно вернулся по волнам Балтийского моря в родной Кёнигсберг. Родные и друзья встречали их со слезами радости, а бургомистр закатил пир по случаю их возвращения. Якоб и Маргарита обвенчались в первый день лета в церкви святого Себастьяна. Сколько было съедено на их свадьбе свиных колбас и выпито вина, никто не сумел подсчитать. Майер купил им дом, и со временем Якоб очень преуспел в торговле и разбогател.

Судьба предателя Матиа неизвестна. Говорят, его привезли в Венецию больным чахоткой, и лекари залечили его до смерти.

Через некоторое время в далеком Пскове поражённый повар посадника Шигоны обнаружил внутри двух пойманных в Балтийском море рыб сверкающие кусочки небывалого красного янтаря. Посадник немедленно решил отправить их в Москву к государю Василию Иоанновичу, а сам велел отслужить молебен по случаю такого чуда. И такого колокольного звона Псков давно не слыхал. Говорят, вороны, вздумавшие посидеть на колокольне, тут же в испуге улетали, как будто в них выпалили из пушек.



Исторический словарик

Барон Санторини – правитель мог пожаловать отличившегося вассала не только поместьем, но и островом. Отсюда титул барона.

Дож – в XIV-XVII веках правитель Венецианской республики.

Кривичи – исконное происхождение жителей Пскова с начала IX века. В изначальном смысле – название одного из восточнославянских племён, обосновавшегося в ряде городов (Смоленск, Полоцк, Изборск)

Летник – верхняя женская одежда на Руси.

Ругодив – название Нарвы до начала XVIII века.

Сотский – человек военного сословия, до Ивана Грозного исполнявший те же обязанности, что и стрельцы.

Учан – плоскодонное речное судно XIII-XVII веков.

Сказ о ганзейском хождении в землю псковскую

Шамраева Софья Андреевна

Литературно-историческое издание

ISBN 978-5-93811-066

9 785938 110663

Издательство ПАЛЬМИР

тираж 500 экз.
из них 100 номерных

Типография SEMINART